

МНЕМОНИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АВТОРСКОЙ ЭПИГРАММЫ (на примере поэзии И. Губермана)

Жиляков Сергей Викторович, кандидат филологических наук, Белгородский национальный исследовательский государственный университет (Старооскольский филиал), Старый Оскол, Россия, szhil@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5875-4134>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению авторской эпиграммы русского поэта И. Губермана как жанра, имеющего мнемонический (памятный) потенциал. Дается понимание того, что наследующая амбивалентную природу, заимствованную из предшествующей ритуальной традиции, эпиграмма Губермана в своей архитектурной организации одновременно содержит смеховое и серьезное, личное и внеличное («чужое»), субъективное и объективное. Последнее как отложенное в памяти прошлого используется в качестве мнемонической демонстрации апробированного жизненным опытом материала, вступающего в диалогическое отношение с субъективным художественным мировосприятием. В ходе проведенного анализа авторских эпиграмм Губермана, именуемых по аналогии с производной от просторечной формы имени автора «гариками», выясняется, что мнемонический атрибут как постоянное свойство жанра, доставшееся ему в наследство от прошлых времен, по-разному и в значительной степени намного шире, чем в классической эпиграмме, представляется в нем. Так, мнемонический потенциал авторской эпиграммы содержит, помимо мотивов известных произведений, парафразы и рецитации знаменитых изречений, ставших крылатыми, аллюзии на общелитературные «топосы» и реминисценции из стихотворений поэтов, узнаваемых с помощью используемых образов, ритма и стиховой организации. Делается вывод о том, что многообразность использования авторской эпиграммой Губермана богатого мнемонического потенциала указывает на объемный функционал жанра, задействующий художественные ресурсы не только в направлении воспроизведения инварианта («память жанра»), но в большей мере сосредоточивающий усилия на пути обновления в русле отстраненного восприятия традиции («память о жанре»), что позволяет ему предстать во всей полноте эстетического совершенства.

Ключевые слова: жанр, эпиграмма, окказиональный (авторский) жанр, сарказм, мнемонический потенциал, архитектора, амбивалентная сущность.

Для цитирования: Жиляков С.В. Мнемонический потенциал авторской эпиграммы (на примере поэзии И. Губермана) // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 137–143. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-137-143>

Research Article

THE MNEMONIC POTENTIAL OF THE AUTHOR'S EPIGRAM (using the example of Igor Guberman's poetry)

Sergey V. Zhilyakov, Candidate of Philological Sciences, Belgorod national research State University, branch in Sary Oskol, Sary Oskol, Russia, szhil@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5875-4134>

Abstract. The article is devoted to the consideration of the author's epigram by the poet Igor Guberman as a genre with mnemonic (memorable) potential. It is understood that inheriting an ambivalent nature borrowed from the previous ritual tradition, Igor Guberman's epigram in its architectonic organisation simultaneously contains the ridiculous and the serious, the personal and the impersonal ("alien"), the subjective and the objective. The latter, as deposited in the memory of the past, is used as a mnemonic demonstration of the material tested by life experience, which enters into a dialogical relationship with a subjective artistic worldview. In the course of the analysis of Igor Guberman's author's epigrams, called "gariki" by analogy with the derivative of Garik – the colloquial form of the author's name, – it turns out that the mnemonic attribute as a permanent property of the genre, inherited from past times, is represented in it in different ways and to a large extent much wider than in the classical epigram. Thus, the mnemonic potential of the author's epigram contains, in addition to the motifs of famous works, paraphrases and recitations of famous sayings that have become winged, allusions to general literary "topos" and reminiscences from the poems of poets, recognisable by the images used, rhythm and verse organisation. It is

concluded that the variety of use of Igor Guberman's rich mnemonic potential by the author's epigram indicates the voluminous functionality of the genre, involving artistic resources not only in the direction of reproducing the invariant ("genre memory"), but more focusing efforts on the path of renewal in line with the detached perception of tradition ("genre memory"), which allows to appear to it in the fullness of aesthetic perfection.

Keywords: genre, epigram, occasional (author's) genre, sarcasm, mnemonic potential, architectonics, ambivalent essence.

For citation: Zhilyakov S.V. The mnemonic potential of the author's epigram (using the example of Igor Guberman's poetry). Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 1, pp. 137–143 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-137-143>

Проблематика статьи состоит из противоречия, которое возникает при чтении «гариков» И. Губермана, и связано с неясным пониманием жанровой природы произведений автора, одновременно напоминающих классическую эпиграмму и представляющих собой самостоятельную литературную форму. Целью данной статьи поэтому является рассмотрение авторской эпиграммы современного русского поэта И. Губермана сквозь призму наличия в нем мнемонического потенциала, который позволит разрешить проблемное противоречие ее жанровой природы. Исходя из цели, автор ставит перед собой следующие задачи: 1) изучить краткую историю эпиграмматического жанра, чтобы выявить в нем особенности использования мнемонического ресурса; 2) раскрыть значительно превосходящий классические образцы мнемонический потенциал авторской эпиграммы («гарика») Губермана, который функционирует в двух направлениях – консервации традиционного жанрового видения мира, модернизации и индивидуализации мироотношения за счет значительного расширения приемов и способов манипулирования жанровой традицией. Новизна исследования заключается в том, что впервые предпринимается попытка изучения авторских эпиграмм («гариков») И. Губермана в мнемоническом аспекте, что позволяет открыть и значительно расширить новые горизонты понимания произведений поэта, а именно: увидеть, с одной стороны, преемственность жанровой традиции в ее предельном проявлении – «памяти жанра» (М.М. Бахтин); с другой стороны, обнаружить инновационную авторскую практику жанрового видения в фокусе субъективного восприятия и отношения к предшествующему поэтическому опыту, высвеченному в фигурах аллюзии и близких к ней, составляющих «память о жанре» (Б.П. Иванюк).

Эпиграмма в сознании обычного читателя зачастую ассоциируется с шуткой, едким сарказмом, остроумно высмеивающим типичные человеческие пороки. Однако заметим, что такой модальностью маркируется всего лишь один вид эпиграммы – жанра короткоформатной литературной надписи (фактически на любом носителе, но чаще всего камне), европейский вариант эпиграфии [Иванюк: 50], изначально насчитывающей более десятка тематических типологий (эпиграммы посвятительные, любовные

и т. д.). Несмотря на широкий тематический ассортимент, все же за эпиграммой закрепились данная сатирическо-юмористическая версия жанра, культивируемая, в частности, Марциалом (Др. Рим, I–II вв. н. э.), мотивы произведений которого перерабатывались в новоевропейское время многими поэтами [Литературная энциклопедия: 1233], сосредоточивая, казалось бы, два противоборствующих отношения к действительности – остроумие и обличение. Именно эта разновидность декларативно приведена в теории классицизма, закрепившей за ней жанровую норму: «Безвкусной пошлостью признав игру словами, / Ей место отведя в одной лишь Эпиграмме, / Однако, приказав, чтоб мысли глубина / Сквозь острословие и здесь была видна...» [Буало: 70–71] – пишет Буало. Манифестируемая двойственность, очевидно, эпиграмме присуща уже с самого начала и затрагивает, вероятно, разные уровни художественного целого.

С одной стороны, эпиграмма, по сути, тематически неисчерпаемый жанр, поскольку материалом для нее служат любые жизненные и исторические события, явления, которые в соответствии с присущей ей критической рефлексией получают живой отклик, исходящий из такого же бездонного и безмерного Я. С другой стороны, эпиграмма в своей поэтике ограничивается малым стиховым объемом, достаточным для представления той узнаваемой литературной формулы, в которую заложен «механизм связи стиха и идейно-эмоционального комплекса произведения» [Матяш: 5]. Диалектика формы и содержания также тесно переплетена с онтологической амбивалентностью эпиграммы, которая в свою очередь обусловлена ритуальным происхождением жанра, связанным с надгробной заплачкой-славой об умершем, производимой в хронотопе пира [Фрейденоберг: 120], проникнутой перечислением заслуг или неудач, хвалой или порицанием. Как писал М.М. Бахтин, «веселье и смех носят пиршественный характер и сочетаются с образом смерти и рождения (обновления жизни) в сложном единстве амбивалентного материально-телесного низа (поглощающего и рождающего)» [Бахтин 1990: 92].

Сам смех в эпиграмме обладает свойством осолобого рода: он одновременно и разоблачает, то есть оголяет настоящее и порой неприглядное положение вещей, субъектов и объектов, представляя их в не-

привычно близком (интимном) фокусе, располагающим к рассмотрению сокрытого, но в то же время настраивает читателя, ведомого авторским видением, на критическое освоение действительности. Данная двойственность, думается, предотвращает эпиграмму от эстетического декаданса (падения) в низовую область инвективы, шаржа, сатиры – жанров, заранее настроенных на радикальную дискредитацию попавших в их поле зрения субъектов, явлений, объектов, не позволяет смешиваться с ними. Бинарность эпиграммы проявляется еще и в том, что она в значительной мере тяготеет к афоризму, но одновременно и в меньшей мере – к «большому стихотворению» (например, в сборнике «Сильвы» Публия Папиния Стация, Древний Рим, I в. н. э.).

Амбивалентная природа эпиграммы, репрезентированная в разных ракурсах художественного, объясняет, помимо сказанного, структуросообразную соотношенность тематических составляющих, их распределенность внутри композиционного целого. В нем первая часть тезисно представляет на обозрение общеизвестный факт, а вторая – вводит его в личный, социальный, мировоззренческий и иной контекст, вольно манипулируя полученной в результате сравнения, обобщения, противопоставления и проч. итоговой идеей, балансируемой в диапазоне между саркастической дискредитацией и приятием предопределяемого жизненной логикой смысла. На такую разнообразную художественную рефлексивность эпиграмма становится способна благодаря субъективно-критической воле автора. По справедливому мнению А.В. Несмеянова, эпиграмма в трехчастной событийной структуре составляет основу оценочного высказывания, вокруг которой строится ее поэтика, сходная во многом с речевым актом [Несмеянов: 239]. Именно такое видение эпиграммы может служить весьма убедительным аргументом в пользу отнесения стихотворения к отдельному речевому (первичному, по классификации М.М. Бахтина) жанру, который, являясь достаточно устойчивым типом высказывания, обладает особым тематическим содержанием (заданием), композицией и стилем [Бахтин 1997, 5: 159]. Поэтому, как представляется, эпиграмма близка к паремийным жанрам – пословицам и поговоркам, частушкам, кратко подмечающим жизнь как феномен во всем ее многообразии, в котором нераздельно и неслиянно сосуществуют серьезное и смешное, низкое и высокое, патетическое и просторечное.

Краткая жанровая форма эпиграммы, которая «лучше воспринималась и запоминалась» [Гаспаров: 258], наделяет ее «понимающим потенциалом» [Головкин: 140], отвечающим за «закрепленный» за ним мирообраз и гарантирующим установление адекватной коммуникации с читателем. Справедливо-

сти ради стоит отметить, что предрасположенность коммуникативной установки эпиграммы на запоминание (памятование) генетически заложена в ней. Н.А. Чистякова пишет: «...эпиграммы возникли как надписи на любом материальном предмете, которому предстояло вечно жить в человеческой памяти» [Чистякова: 326]. Так, Дж. Скодел различает в эпиграмме даже поминальное свойство, реализующееся в сохранении информации о фиксируемых им лицах и событиях [Scodel: 121].

Однако не только в аспекте коммуникации эпиграмма обладает мнемотехнической энергетикой, но и в содержании несет мнемонические черты и мотивы. Недаром жанр с античных времен «преследует» мнемоническое сопровождение, разнородно присутствующее в жанровой структуре. Например, в экфрастической эпиграмме Стация «Конная статуя Домициана» мнемоническая функция реализуется мотивом стихотворного «памятника»: «Это творенье ни зим не боится дождливых, ни / Тройней Юпитера, иль темницы Эоловой полчищ, / Ни бесконечных годов: оно будет стоять, пока своды / Неба стоят, и земли, и Рим...» [Античные поэты: 132].

В текст эпиграммы (II, 59) Марциала вносятся устойчивые мнемонические мотивы, из которых складываются впоследствии афористические выражения: «"Крошкой" зовусь я, столовая малая. Милости просим! / Виден в окошко мое Цезарев купол: смотри. / Розы бери, развались, пей вино, умищайся ты нардом: / Повелевает сам бог *помнить о смерти тебе*» [Марциал: 67]. Так, заключительная фраза воспроизводит известный императив «Memento mori» («Помни о смерти»). Очевидно, что в данном контексте, помимо обнаружения мнемонического архетипа в виде образа «Цезарева купола», эпиграмма, используя мортальную тему, обусловленную направлением рефлексии в предметную сферу «низа», тяготеет к родственному жанру эпитафии. Между тем сам образ «Цезарева купола», представляющий собой народное название погребального монумента «Мавзолея Августа», вызывает аллюзию на стихотворный «памятник» Горация, что в совокупности придает эпиграмме добавочную мнемоническую семантику. По этим соображениям мотив стихотворного «памятника» используется и в другой эпиграмме поэта («"Книжек довольно пяти, а шесть или семь..."», VIII, 3), заостряющей внимание на значении творческого наследия: «Даже когда упадут с подножия камни Мессалы / И обратится когда мрамор Лицина во прах, / Буду я все на устах...» [Марциал: 204].

Альбомная надпись – весьма распространенный вид эпиграмматической лирики в XVIII–XIX вв.: стихотворение русского поэта Е.А. Баратынского «В альбом» (1829) содержит полемическую идею «памяти-забвения», сквозь призму которой высвечивается

более глубокая диалектическая взаимосвязь письменной и устной форм культуры, претворенная в метафорическом сравнении альбома с кладбищем: «Альбом походит на кладбище: / Для всех открытое жилище. / Он также множеством имен / Самолюбиво испещрен...» [Баратынский: 241]. Мотив стихотворного «памятника», таким образом, в творчестве эпиграмматистов является удобным и актуальным для использования, поскольку обладает свойством узнаваемости со стороны реципиентов и гибко включается в разнородный контекст.

Эпиграмма как вполне состоявшийся жанр, пройдя свой длительный путь в мировой литературе, в творчестве русского поэта Игоря Губермана (р. 1936) предстает как литературное явление, впитавшее самое лучшее наследие традиции, обогащенное разнообразными мнемоническими чертами, связующими ее с культурой прошлого. В ней органично обретаются субъективно-жанровые параметры реализации художественного осмысления мира. В пользу этого говорит не только поэтика субъектного образа, вкратце характеризуемая автобиографичностью, идейно-художественное содержание произведений, каждое из которых уникально в плане выразительности и остроты высказывания, чья семантика плавно балансирует на грани серьезного и смешного, но и сама авторская номинация жанра, указанная в названии книги «Гарика на каждый день». В ней, как в эгоцентрической эпиграмме, «которая призвана осуществить дидактическую задачу через непосредственное изложение автором личных авторских или эстетических позиций» [Леонов: 7], проявляется концептуальная самопрезентация, отраженная в жанровом понятии, созданном на основе произведенной от просторечной формы авторского имени (Гарик). Предикативно-определяющее словосочетание «на каждый день», входящее в состав общего заголовка книги, манифестирует акцидентную природу коротких эпиграмматических высказываний, означающую «на всякий случай жизни». Таким образом, перед нами открывается книга, представляющая собой авторскую (оказиональную) версию эпиграммы, удивительным и органичным способом сочетающая индивидуальное видение мира и отретированные опытом прошлого классические мотивы, вызывающие у читателя знакомые ассоциации и смысловые сплетения, сохраненные в толще веков мировой культуры.

Если на эпиграмму поэта посмотреть изнутри как на феномен, то, действительно, «смеховость» лирической ситуации возникает в результате эффекта столкновения «иног», представленного разными способами репрезентации «чужого» текста (реминисценции, аллюзии, перифразы, цитаты, игра слов и т. д.), и «своего» (авторского) взглядов на мир. Жанровый потенциал «гарика» в силу этого еще бо-

лее значительно расширяется, поскольку пополняется отложенной в веках мудростью – тем самым ресурсом объективного («чужого») опыта. Он, воспроизведенный в авторской памяти, выставляется как будто напоказ (или нарочито скрывается) в имманентном диалоге, преображенный и отредактированный посредством субъективно-оценочного суждения, фигурирует, к примеру, в статусе узнаваемого мнемонического мотива, аллюзии, реминисценции и других стилистических средств и форм репрезентации «чужого» (и не только) текста.

Так, поэтические контуры стихотворного «памятника» рельефно проявляются в цикле эпиграмм под названием «Сибирский дневник», подготавливающим читательское ожидание поэтических автобиографических воспоминаний, изложенных в определенной, как правило соответствующей хронологической, временной последовательности: «Отъявленный, заядлый и отпетый, / без компаса, руля и якорей / прожил я жизнь, а памятником ей / останется дымок от сигареты» [Губерман: 16]. Классическая проспективная интенция авторского сознания, устремленного в ожидание акта воздвижения будущего стихотворного «памятника», редуцируется, даже, по сути, нивелируется фактом присутствия его образа в актуальном модусе памяти в виде травестирующего скульптурное изваяние догорающего окурка. И здесь модально близким, а потому и вероятностным прототипом этого мотивного образования может стать самый короткометражный двухстрочный лирический «памятник» М. Генделева, стилистически низводящий вековечный монумент до карикатурной «козы» (альтернативный комментируемый вариант: начальная буква латинского слова Victoria – победа) – жестовой разновидности дразнилки: «Над лысым черепом любви / соорудим из пальцев “V”» [Генделев: 238]. Показательно и подчеркнута иронично, что гротескной редукции высокого предмета рефлексии соответствует самое лапидарное по форме эпиграмматическое выражение, занимающее дактилическую строку (гекзаметр), равную всего лишь одной структурной единице (первый стих) изначального (античного) дистиха эпиграммы.

Многочисленны в «гариках» и контекстуальные аллюзии, воспроизводящие (если не сказать эмфатически – реанимирующие) в памяти посредством либо лирической ситуации, либо образа известные аналогии из мировой литературы. Так, к примеру, образ влюбленных Тристана и Изольды, сюжетное сближение которых происходит в процессе обоюдного чтения книги, возникает в следующей эпиграмме: «Приятно, если правнуку с годами / стихов моих запомнится страница / и некоей доселе невинной даме / их чтение поможет соблазниться» [Губерман: 318]. Очевидно, контекстуальная аллюзия, обуслов-

ливающая регенерацию претекста, хотя и в усеченном виде, сама провоцируется введением памятного мотива («стихов моих запомнится...»), в свою очередь еще более усиливающего мнемоническое ожидание от всего текста произведения в целом.

При чтении следующей эпиграммы-«гарика» о неприглядной славе поэта: «Моим стихам придет черед...» [Губерман: 30] сразу узнаются тестаментные (завещательные) строки из стихотворения «Моим стихам, написанным так рано...» (1913) М. Цветаевой: «Моим стихам, как драгоценным винам, / Настанет свой черед...» Эллиптический перифраз здесь, что очевидно, играет коммеморативную роль.

Полнится мнемонический потенциал эпиграммы Губермана парафразией – ее источником часто становятся известные идеологемы, выражения, ставшие давно устойчивыми. Например, инициальная строка одной из эпиграмм «Ничто не ново под луной...» [Губерман: 305] цитирует аналогичный стих из стихотворения Н.М. Карамзина «Опытная Соломонова мудрость, или Мысли, выбранные из Эклезиаста» (1796), общим же источником для них служит знаменитое рефренное ветхозаветное изречение из «Книги Эклезиаста»: «...нет ничего нового под солнцем» (Еккл 1:9). В итоге «гарик» русского поэта перелагает уже когда-то переложенное, способствует положительной памятной градации – удвоенной мнемонизации прототипа.

Авторская эпиграмма выполняет в некоторых случаях функцию «памяти жанра», воспроизводит, в частности, известную жанровую формулу классической эпитафии в ее предельно субъективной реализации (автоэпитафия) с характерным для последней апеллятивом к путнику-прохожему, не забывая при этом о своей нарочитой стилистической колкости: «А закуришь, вздохни беспечально / у заросшей могилы моей: / как нелепо он жил и случайно, / очень русским был этот еврей» [Губерман: 48].

Аналогичная жанрообразовательная, а заодно и мнемоническая функция воплощена в эпиграмматической валете (стихотворное прощание, скрещенное с собственно эпиграммой): «Прощай, Россия, и прости, / Я встречу смерть уже в разлуке – / от пули, голода тоски, / но не от мерзости и скуки» [Губерман: 344]. И тут, кроме перманентного следования традиционной содержательной дуальности, формализованной противительным союзом «но», требует комментирующего уточнения то обстоятельство, что первая строка реминисцирует прощальную античную эпистолярную формулу: «Salve atque vale!» («Будь здоров, прощай!»), стилизующуюся под актуальное для самого автора эмигрантское обращение к покидаемой им стране, а все произведение в целом использует жанровую архитектуру вальеты с прису-

щим ей атрибутивным мотивом смертной разлуки.

В аспекте жанрово узнаваемой регенерации, цементирующей мнемонический потенциал, обращает также на себя внимание умелое воссоздание противоборствующего внешней среде тематического мотива одиночества лирического «я» – главного атрибутивного признака элегии, которое безошибочно вызывает в рецептивном сознании адекватное художественное восприятие инициальных строк: «Средь шумной жизненной пустыни, / где страсть, и гонор, и боре-ние...» [Губерман: 25].

Прием мнеморитма, вероятно, также используется Губерманом для воссоздания в памяти у читателя знакомого стихотворного прототипа, ритмический рисунок и соответствующие звуковые ассоциации которого легли в основу конечного образца. При чтении следующих строк эпиграммы: «Восторжен ум в поре *начальной*, / кипит и шпарит, как бульон; / чем разум выше, тем печальней / и нисходительнее он» [Губерман: 305], – действительно, возникает в памяти лирический строй стихотворения Ф.И. Тютчева: «Есть в осени первоначальной...» Идея мнеморитма в данном случае задается фонологическим сходством начальных строк исходного и результирующего стихотворений на основе следующих параметров: одинаковое количество слогов (9), восходящая интонация, соотносящаяся с соответствующим размером – упорядоченным (Губерман) и неупорядоченным (Тютчев) ямбом, ритмический разноряд которого сглаживается изоморфным началом (односложная анакруста) и концом (эпифора и, как следствие этого, тавтологическая рифма) – сильными позициями в организации стиха.

Таким образом, на основе проведенного анализа, во-первых, выявляется то, что эпиграмме в силу определенных конструктивных особенностей изначально присущ мнемонический потенциал. Во-вторых, авторская эпиграмма И. Губермана значительно превосходит классическую с точки зрения многообразия мнемонических функций, что говорит о ее гибкой текстуальной организации, несмотря на ограниченный объем формата. В-третьих, использование в авторской (оказиональной) эпиграмме, именуемой «гариком», разнообразных мнемонических приемов и фигур – мнемобразов, реминисценций, парафраз, перифраз, аллюзий, мнеморитма – дает основание говорить о том, что она одновременно является приемником лучших национальных традиций и практик жанра, воспроизводящихся в «памяти жанра», и предлагает ее актуализацию и вольное обращение с ней через осознанное отстранение от традиции «памятью о жанре», о чем, помимо фигур речи, свидетельствует собственно жанровый номинатив.

Все это не может не служить причиной того, что даже по прошествии многих столетий эпиграмма, имея в своей основе неисчерпаемую мнемоническую

энергию, предназначенную для критического осмысления художественными средствами окружающей действительности, внутреннего мира человека, не потеряла до сих пор своей актуальности в лирике «русского Марциала» – Игоря Губермана.

Список литературы

Античные поэты об искусстве / сост. О.Л. Абышко. Санкт-Петербург: Алетей, 1996. 246 с.

Баратынский Е.А. Стихотворения. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1977. 383 с.

Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Москва: Художественная литература, 1990. 543 с.

Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. Москва: Русские словари, 1997. С. 159–206.

Буало Никола-Депрео. Поэтическое искусство. Москва: ГИХЛ, 1957. 232 с.

Гаспаров М.Л. Древнегреческая эпиграмма // Об античной поэзии: Поэты. Поэтика. Риторика. Санкт-Петербург: Азбука, 2000. С. 246–282.

Генделев М. Неполное собрание сочинений. Москва: Время, 2003. 560 с.

Головко В.М. Понимающий потенциал литературного жанра как проблема теоретической поэтики М.М. Бахтина // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 3. С. 136–140.

Губерман И.М. Гарики на каждый день: стихи. Санкт-Петербург: Азбука-Аттикус, 2020. 352 с.

Иванюк Б.П. Эпиграфия стихотворная: словарный формат // *Filologos*. 2022. № 1 (52). С. 50–55.

Леонов И.С. Поэтика русской эпиграммы XVIII – начала XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2006. 16 с.

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. Москва: Интелвак, 2001. 1600 стб.

Марциал Марк Аврелий. Эпиграммы / пер. с лат. Ф. Петровского. Харьков: Фолио; Москва: АСТ, 2000. 448 с.

Матяш С.А. Вопросы поэтики русской эпиграммы: учеб. пособие. Караганда: КарГУ, 1991. 112 с.

Несмеянов А.В. Эпиграмма как особый тип оценочного высказывания // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки. 2007. Вып. 43 (1). Т. 17. С. 238–241.

Фрейдберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. Москва: Лабиринт, 1997. 448 с.

Чистякова Н.А. Греческая эпиграмма // Греческая эпиграмма. Санкт-Петербург: Наука, 1993. С. 325–364.

Scodel Joshua. The English Poetic Epitaph: Commemoration and Conflict from Jonson to Wordsworth. Cornell University Press, 1991, 420 p.

References

Antichnye pojety ob iskusstve [Ancient poets about art], ed. by O.L. Abyshko. Saint Petersburg, Aleteija Publ., 1996, 246 p. (In Russ.)

Baratynskij E.A. *Stihotvorenija* [Poems]. Voronezh, Central'no-Chernozemnoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1977, 383 p. (In Russ.)

Bahtin M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura srednevekov'ja i Rennansa* [The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow, Hudozhestvennaja literature Publ., 1990, 543 p. (In Russ.)

Bahtin M.M. *Problema rechevyh zhanrov* [The problem of speech genres] *Sobranie sochinenij: v 7 t.* [Collected works: in 7 vols.]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1997, vol. 5, pp. 159–206. (In Russ.)

Bualo Nikola-Depreo. *Pojeticheskoe iskusstvo* [Poetic art]. Moscow, GIHL Publ., 1957, 232 p. (In Russ.)

Chistjakova N.A. *Grecheskaja jepigramma* [Greek epigram]. *Grecheskaja jepigramma* [Greek epigram]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1993, pp. 325–364. (In Russ.)

Frejdenberg O.M. *Pojetika sjuzheta i zhanra* [Poetics of plot and genre]. Moscow, Labirint Publ., 1997, 448 p. (In Russ.)

Gasparov M.L. *Drevnegrecheskaja jepigramma* [Ancient Greek epigram]. *Ob antichnoj poezii: Pojety. Pojetika. Ritorika* [About ancient poetry: Poets. Poetics. Rhetoric]. Saint Petersburg, Azbuka Publ., 2000, pp. 246–282. (In Russ.)

Gendeleev M. *Nepolnoe sobranie sochinenij* [Incomplete collected works]. Moscow, Vremja Publ., 2003, 560 p. (In Russ.)

Golovko V.M. *Ponimajushchii potentsial literaturnogo zhanra kak problema teoreticheskoj poetiki M.M. Bakhtina* [Understanding the potential of the literary genre as a problem of theoretical poetics M.M. Bakhtin]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2009, No. 3, pp. 136–140. (In Russ.)

Guberman I.M. *Gariki na kazhdyj den': stihy* [Gari-ki for every day: poems]. Saint Petersburg, Azbuka-Attikus Publ., 2020, 352 p. (In Russ.)

Ivanjuk B.P. *Jepigrafija stihotvornaja: slovarnyj format* [Poetic epigraphy: dictionary format]. *Filologos* [Filologos], 2022, No. 1 (52), pp. 50–55. (In Russ.)

Leonov I.S. *Pojetika russkoj jepigrammy XVIII – nachala XIX veka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Poetics of the Russian epigram of the 18th – early 19th centuries: CSc thesis, summary]. Moscow, 2006, 16 p. (In Russ.)

Literaturnaja jenciklopedija terminov i ponjatij [Literary encyclopedia of terms and concepts], ed. by A.N. Nikoljukina. Moscow, Intelvak Publ., 2001, 1600 col. (In Russ.)

Marcial Mark Avrelij. *Jepigrammy* [Epigrams], trans. from Latin F. Petrovskij. Har'kov, Folio Publ., Moscow, AST Publ., 2000, 448 p. (In Russ.)

Matjash S.A. *Voprosy pojetiki russkoj jepigrammy: uchebnoe posobie* [Questions of the poetics of the Russian epigram: textbook]. Karaganda, KarGU Publ., 1991, 112 p. (In Russ.)

Nesmejanov A.V. *Jepigramma kak osobyj tip ocenochного vyskazyvanija* [Epigram as a special type of evaluative statement]. *Izvestija RGPU im. A.I. Gercena. Obshhestvennye i gumanitarnye nauki* [News of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Her-

zen. Social Sciences and Humanities], 2007, No. 43 (1), vol. 17, pp. 238-241. (In Russ.)

Scodel Joshua. *The English Poetic Epitaph: Commemoration and Conflict from Jonson to Wordsworth*. Cornell University Press Publ., 1991, 420 p.

Статья поступила в редакцию 02.11.2023; одобрена после рецензирования 06.02.2024; принята к публикации 08.02.2024.

The article was submitted 02.11.2023; approved after reviewing 06.02.2024; accepted for publication 08.02.2024.